

— Наму саманта бадзаранан, сэнда макарсяна, сопотая, ун таратак, кан ман! Преклоняюсь перед Неподвижным владыкой, сокрушителем преград!

Стоя посреди беснующейся толпы монстров, Асакура Хао невозмутимо сложил пальцы в ритуальный жест. Слова древней мантры слетали с его губ размеренно, весомо. С каждым произнесенным слогом очередной бес с диким визгом осыпался пеплом, бесследно тая в воздухе.

— Невероятно... — прошептал Абэ-но Харуаки, уклоняясь от когтей нападающей нечисти.

Он тоже без усталости творил заклинания, пуская в ход богатый арсенал защитных амулетов. Его окружали несколько сильных сикигами, сдерживающих натиск врага, но юноша не мог оторвать взгляда от Хао. Каждое движение великого мастера было безупречным, лишенным малейшей суеты.

Харуаки понимал, что великий Оомёдзи тратит духовную силу и методично уничтожает демонов поодиночке исключительно ради своего ученика. Обладая Хао хоть каплей эгоизма, он бы стер всю эту орду в порошок одним щелчком пальцев или призвал сильнейших духов, способных выкосить армию за мгновение. Вместо этого он терпеливо демонстрировал основы мастерства, наглядно показывая действие каждой фуды.

Харуаки скользнул взглядом по лицу Фурукавы Сюаня. Щеки юноши всё еще горели лихорадочным румянцем. В нем пока не чувствовалось величия, но его аура была удивительно чистой, острой и свежей, словно родниковая вода. Без сомнения, со временем из него вырастет выдающийся мастер.

Радуюсь за будущее столицы, Харуаки в то же время чувствовал, как сжимается его сердце при виде бесчинств ёкаев.

— Если бы только можно было создать мир, где люди и ёкаи жили бы в согласии... — тихо пробормотал он со вздохом.

Однако праздным мечтаниям не было места в бою. Его руки продолжали плести смертоносные заклятия, послушные многолетней привычке очищать землю от скверны.

Сюаня до сих пор мучило. Прежде ему доводилось участвовать в экзорцизмах — он помнил кошмар в поместье младшего советника Фудзивары-но Ёритики, но то были единичные случаи. Здесь же, на горе Оэ, перед ним разверзлась бойня невиданных масштабов: горы изувеченных тел, реки дымящейся крови.

Оплот великого Сютэна-додзи превратился в сущий ад на земле. Зрелище растерзанной плоти

заставило бы содрогнуться даже закаленных в сечах воинов, что уж говорить о юном Сюане, впервые столкнувшемся с подобным безумием.

С трудом подавив рвотный позыв, Сюань заставил себя выпрямиться. Мертвых не вернуть. Единственное, что он мог сделать для этих несчастных, — отомстить за их оборванные жизни.

Заметив, что ученик переборол слабость и вновь ринулся в бой, Асакура Хао мягко улыбнулся. Он слегка хлопнул веером по раскрытой ладони и прямо на глазах у Сюаня начал творить те же заклинания, что использовал юноша.

Разница была колоссальной. Там, где Сюань с трудом упокаивал двух-трех тварей, магия Хао распускалась смертоносным вихрем, стирающим орды демонов в пыль одним касанием.

Сюань мгновенно понял замысел учителя. Внимательно впитывая каждое его движение, он отбросил мысли о том, что Сютэн-додзи в его игровой системе считается редчайшим SSR-персонажем. Какая разница, если это чудовище устроило здесь резню? Уничтожить его, и дело с концом!

Под предводительством Хао карательный отряд поднимался к вершине без малейших задержек. Демоны лопались, словно мыльные пузыри, не успевая даже замахнуть в сторону великого мастера.

Не только Сюань и Харуаки, но и отряд Минамото-но Ёримицу взирал на эту демонстрацию силы с благоговением. Вот только если соратники-онмёдзи восхищались мастерством Хао, то самураи Ёримицу испытывали к нему первобытный, леденящий душу страх.

И пускай кристально чистые мысли ученика служили Хао своеобразным щитом, заглушающим чужую зависть и злобу, долетавшие ментальные уколы все же вызывали у него глухое раздражение. Чтобы покончить с этим побыстрее, он ускорил шаг и первым ступил на вершину горы Оэ, где их уже ждал во всеоружии сам Сютэн-додзи.

— Онмёдзи! — взревел предводитель демонов.

Несмотря на обманчивое прозвище «Додзи», внешне Сютэн являл собой исполинского, омерзительного червеного беса. Ростом он превосходил троих мужчин, его растрепанная грива огненных волос вздымалась над пучеглазым лицом, а огромные клыки выпирали изо рта, даже когда пасть была закрыта. В одной лапе великий ёкай сжимал шипастую палицу, в другой — колоссальную тыкву-горлянку с хмельным зельем.

Завидев незваных гостей, Сютэн-додзи жадно припал к горлышку, сделал огромный глоток и с силой выдохнул струю прямо в лицо Хао. В полете алкогольная взвесь мгновенно обратилась в бушующее море ревущего пламени.

Но стоило яростному огню коснуться одежды Асакуры Хао, как он рассыпался безвредной водяной моросью.

Хао лишь снисходительно усмехнулся. Сложив пальцы в тайный знак, он взмахнул веером. В то же мгновение веер обратился в исполинский сияющий клинок, соткавшийся прямо из чистейшей духовной силы.

Меч вспыхнул ослепительным радужным сиянием, затмившим солнце. Даже лишенные дара самураи узрели этот божественный свет, напоминающий легендарный клинок Амэ-но Хабакири. Одним неумовимым движением Хао рассек исполинское тело Сютэна-додзи.

Сюань застыл с открытым ртом. Его учитель был просто невероятно, фантастически крут.

Когда все было кончено, Минамото-но Ёримицу шагнул вперед и личным мечом отсек Сютэну-додзи голову. Воины принялись зачищать лагерь. Сюань со вздохом подошел к поверженному владыке горы Оэ, разглядывая жуткий лик поверженного исполина. В его груди шевельнулась странная, горькая жалость к этому созданию.

Пока самураи Ёримицу деловито обшаривали сокровищницы в поисках награбленного золота, Абэ-но Харуаки направился вглубь покоев. Он толкнул боковую дверь, исеченную глубокими следами когтей и клинков. Едва створка поддалась, навстречу ему с яростным шипением метнулась маленькая стремительная тень.

— Осторожнее, дитя мое, это может быть опасно, — раздался тихий женский голос.

Из тени соткался женский силуэт. Лицо незнакомки скрывала изящная маска, а из-под подола одежды лениво покачивался длинный пушистый хвост, которым она аккуратно, но крепко прижала нападавшего чертенка к полу.

— Прости, матушка, — поспешно извинился Харуаки, переводя дух. Он всмотрелся в пленника.
— Но этот ребенок... Постой, он ведь не человек? Он ёкай?

— Отпусти меня! Пусти, тварь! — злобно заверещал мелкий уродец, отчаянно извиваясь под тяжелым хвостом. — Где мой отец?! Где великий Сютэн-додзи?!

— Ох, твой отец? — Женщина, оказавшаяся могущественной Хагоромо-гицунэ, тихо вздохнула, прикрыв рот рукавом. В ее глазах промелькнула тень страха. — Его только что убили, глупый малыш.

Она не сомневалась: если бы Хао заранее не знал о ее союзе с сыном, ее постигла бы та же участь. Столкнуться лицом к лицу с таким чудовищным оммёдзи означало верную гибель. Хорошо, что этот монстр в человеческом облике благоволил ее ненаглядному Харуаки.

— Господин Абэ? У вас все в порядке? — окликнули Харуаки снаружи самураи, обеспокоенные его долгим отсутствием.

— Да, иду! — отозвался юноша. Он притворил дверь и тихо шепнул матери: — Матушка, оставляю этого недоростка на тебя.

Когда сын скрылся в коридоре, Хагоромо-гицунэ холодным, лишенным жалости взглядом посмотрела на брыкающегося чертенка.

— Ну так что, малец? Выбирай: хочешь жить или отправишься вслед за своим непутёвым родителем?

Пленник мгновенно затих. На его искаженной злобой мордашке проступила недетская решимость.

— Я хочу жить.

— Отлично, — Хагоромо-гицунэ медленно сняла маску, обнажая неопишемую лисьей красотой, и хищно улыбнулась. — С этого дня ты служишь мне. Как твое имя?

— Ибараки, — хрипло выдохнул тот. — Ибараки-додзи.

Сюань, не подозревая о тайном сговоре в задних покоях, стоял среди безмолвных тел. Сложив ладони, он негромко читал заупокойную сутру. Голос его, поначалу тихий и дрожащий, окреп, подхваченный горным ветром, и разнесся над ущельями Оэ, даруя покой неупокоенным душам.

Перед тем как покинуть это проклятое место, каратели предали огню и тела погибших, и цитадель Сютэна-додзи. Колоссальный замок вспыхнул, точно факел, стирая саму память о кровавом царстве демонов.

После этой победы слава Асакуры Хао вознеслась до небес, прогремев по всей империи.

Но Сюань не находил себе места. Растерзанные невинные жертвы, беснующиеся на дорогах призраки, захлебывающийся в пороках мир — всё это тяжелым бременем легло на его плечи. И все же в его душе укоренилась одна незыблемая мысль: если когда-нибудь он сможет превзойти своего учителя и обрести истинное могущество, он обязательно исправит этот искаленный мир.

С этой верой он стал тренироваться с удвоенным рвением.

Вскоре после разгрома на Оэ престарелый глава школы Камо-но Ясунори объявил о своем уходе на покой. Тем временем Абэ-но Харуаки с помощью тайных ритуалов Хао принял имя

Абэ-но Сэймэя, заняв его место в столице. Настоящий же Сэймэй — дитя лисицы — покинул стены Хэйан-кё, чтобы продолжить свое обучение среди диких ёкаев.

Но избавление от нескольких чудовищ не исцелило страну. В столице по-прежнему за золочеными ширмами лилось рекой вино, пока на грязных улицах бедняки замерзали насмерть. Вонь от брошенных прямо у русла реки Камо трупов отравляла некогда чистый воздух.

Вдыхая тяжелый смрад гниющих тел, Сюань уныло плелся следом за учителем. Даже радостное извещение игровой системы о получении наград не могло вернуть ему присутствия духа.

[Получена награда за прохождение события «Истребление демонов горы Оэ»]

[Баланс: 328 золотых монет]

[Доступен для покупки: «Большой подарочный набор новичка»]

Внутри зашторенной повозки Хао хранил молчание. Его пальцы задумчиво поглаживали старинный астрономический прибор, на котором то и дело вспыхивали причудливые созвездия. Последние дни учитель беспрестанно вычислял траектории звезд, и Сюань не смел тревожить его расспросами.

— А-а-а! Демон! Там покойник шевелится! — вдруг истошно заорал шедший впереди стражник.

Сюань выглянул из-за занавески. Действительно, у самой кромки воды среди груды побелевших костей слабо задвигался чей-то череп. Юноша сосредоточился, но не ощутил ни малейшего присутствия злой воли или духовной энергии. Обычный зверек?

Не успел он принять решение, как из глазницы черепа высунулась крохотная кошачья мордочка. Черная, взъерошенная, она с удивлением уставилась на людей. Несмотря на расстояние, Сюань отчетливо разглядел в ее глазах совершенно не кошачье, почти человеческое безразличие.

Опомнившиеся от испуга воины разъярились:

— Ах ты, паршивая тварь! Поселилась в костях и пугаешь честных людей! Прибью гадину!

Сюань нахмурился, собираясь остановить солдат, но Хао опередил его, небрежно бросив из глубины повозки:

— Опустите оружие. Эта кроха тоже наделена душой. Зачем плодить напрасные смерти?

— Но, господин... — попытался было возразить стражник.

Хао медленно сошел на землю. Его длинные одежды зашуршали по сухой траве. Он приблизился к котенку.

— Посмотри на нее. Разве она не прекрасна в своем упорстве? Крошечное создание, выживающее в мире, полном чудовищ.

Кошка вздрогнула и замерла, во все глаза глядя на приближающегося человека.

— Я знаю твою судьбу, — тихо продолжил Хао, протягивая к ней узкую ладонь. — Знаю, что мать бросила тебя. Знаю, что твои братья и сестры — все семеро — давно мертвы. И знаю, что болезнь точит твоё тело, не оставляя надежды на спасение. Но твоя душа... Она не знает страха. Ты видишь призраков, но не склоняешь перед ними головы. Оставить такое сокровище здесь было бы преступлением. Иди ко мне.

Ученик ошарашенно наблюдал, как дикий котенок покорно ткнулся носом в ладонь великого мастера и позволил устроить себя на его плече. Сама способность Хао ладить с животными Сюаня не удивляла: в их старой усадьбе и так обитала целая свора кошек, слетавшихся к мастеру со всей округи, и только барьеры удерживали столичное поместье от превращения в пушистый ковчег. Поразило его другое.

— Учитель! Я знал, что вы непревзойденный мастер прорицания, но чтобы прочесть судьбу дворовой кошки до единого вздоха... Это за гранью возможного!

Хао лишь снисходительно покачал головой и вернулся к прерванным вычислениям.

Уже дома, когда повозка скрылась за воротами поместья, Хао легонько щелкнул ученика по лбу веером.

— Глупый мой ученик, — с мягкой иронией произнес он. — Неужели тебе и в голову не пришло, что я просто услышал ее мысли?

«Что?!»

Мысленный поток Сюаня в мгновение ока превратился в бушующий хаос. Он застыл на месте, потирая лоб.

«Постойте... То есть все мои дурацкие, постыдные мысли всё это время были у него как на ладони?! Да нет, мне ведь еще и тринадцати нет, откуда там взяться постыдному... И всё же! Получается, у меня вообще нет личных тайн?!»

А ведь он наивно полагал, будто просто не умеет скрывать эмоции на лице. Кто бы мог подумать, что великий Асакура Хао окажется обыкновенным чтецом мыслей!

<http://bllate.org/book/18244/1748209>